

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

В Ы П У С К
25 (88)

КУЛЬТУРА
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
ДРЕВНЕГО
И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО
ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1974

показывает, что доминирующими, определяющими лицо общества формами отношений были рабовладельческие.

В целом сборник «Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока» подводит итоги дискуссии о так называемом «азиатском способе производства» и показывает направление плодотворной научной разработки проблем социально-экономической истории древнего и средневекового Востока.

И. Ш. Шифман,

История Иранского государства и культуры (сборник статей к 2500-летию Иранского государства). «Наука», М., 1971, 350 стр. + 4 л. вкл.

Этот сборник, составленный из работ видных советских историков, археологов и филологов, по замыслу редакторов, должен дать общее представление о различных направлениях изучения истории и культуры древнего Ирана в нашей стране, а также о достижениях советской науки в этих областях иранистики. Можно сразу сказать, что эту задачу сборник прекрасно выполняет.

Сборник открывается статьей Б. Г. Гафурова «К 2500-летию Иранского государства». Характеризуя развитие производительных сил, социальных отношений, системы управления, культуры и искусства Ирана в ахеменидский период, Б. Г. Гафуров дает высокую оценку той роли, которую сыграли политические институты и культурные достижения ахеменидского Ирана в историческом и культурном развитии народов Средней Азии и Закавказья. Автор отмечает и огромный вклад народов этих стран в возникновение и формирование иранской государственности и культуры. В заключение Б. Г. Гафуров обращает внимание читателей на длительные и богатые традиции, которые имеет в нашей стране изучение истории, культуры, искусства и языков Ирана, — традиции, получившие дальнейшее развитие и расцвет в советское время.

Прекрасными иллюстрациями последнего положения Б. Г. Гафурова служат две последующие статьи: «Изучение памятников древнеиранской письменности в СССР (1917—1970) И. М. Оранского и «Изучение феодального общества Ирана в России и в СССР» И. П. Петрушевского. В статье И. М. Оранского изложение достижений советской иранистики систематизировано по разделам и подразделам, из которых последний («Письменные памятники с территории Средней Азии») представит, видимо, наибольший интерес, так как именно в этой области иранской филологии, возникшей в 30-х годах нашего века, советские ученые достигли значительных успехов. В примечаниях к статье И. М. Оранский приводит обширную библиографию, насчитывающую несколько сот названий.

Статья И. В. Пьянкова «Образование державы Ахеменидов, по данным античных источников» содержит анализ трех выделяемых автором версий историй о приходе Кира к власти, известных по произведениям античных авторов. Работы И. В. Пьянкова по истории древнего Ирана, основанные на глубоком знании античных источников, высоко ценятся историками и филологами-иранистами, которые не всегда в состоянии обращаться непосредственно к текстам античных авторов. Можно не сомневаться в том, что и эта статья И. В. Пьянкова, являясь сама по себе законченным исследованием, будет служить наравне с другими работами того же автора надежным и весьма основательным источником для дальнейших исследований и сопоставлений.

Выяснению роли Ахеменидского государства в становлении и развитии политико-экономических, административных и культурных традиций государств Древнего Востока — преемников ахеменидского Ирана — посвящена статья М. А. Дандамаева «Ахеменидское государство и его значение в истории древнего Востока». Одним из важных факторов, способствовавших возникновению и сохранению этих традиций, М. А. Дандамаев считает веротерпимость и доброжелательное отношение Ахеменидов к культурным традициям и религиям подвластных народов. Можно, однако, отметить, что веротерпимость была характерна, видимо, лишь для первых Ахеменидов, последующим же был свойствен уже воинствующий прозелитизм, как о том свидетельствует, например, «антидэвовская надпись» Ксеркса.¹

В. Г. Луконин в статье «Искусство древнего Ирана (основные этапы)» описывает основные черты искусства Ирана в доахеменидскую, ахеменидскую, парфянскую и сасанидскую эпохи, прослеживает преемственность в искусстве разных эпох и отражение в нем мифологических представлений и господствовавших религиозных культов.

В статье И. М. Дьяконова «Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса)» предпринимается попытка уточнить время и место проникновения индоиранских племен на Иранское нагорье и полуостров Индостан. Проблема рассматривается с широким привлечением археологических, исторических и лингвистических материалов, а также данных Авесты. Согласованное с экологическими данными, предположение И. М. Дьяконова о том, что основной путь миграции ариев пролегал по долине Теджена—Герируда, кажется весьма вероятным, но оно ведет в свою очередь к новым проблемам. Основной из них явится, возможно, выяснение пути арийцев к этой долине, причем путь этот вряд ли мог пролегать через районы пустынь, так что его следует отнести на значительное расстояние к северу и востоку от пустынных районов. Возможно, придется вновь обратиться к немногочисленным свидетельствам арийско-уральских и арийско-алтайских контактов, которые в связи с новой перспективной гипотезой Р. Г. Уоссона о соме-мухоморе² заслуживают самого пристального внимания.

Очень убедительно выглядит в статье датировка и локализация Авесты, а также места и времени выступления Заратуштры (Дрангиана, VII в. до н. э.). Предположения И. М. Дьяконова о возможных судьбах авестийского языка и его непосредственных потомков,³ вытесненных диалектами ираноязычных саков, осевших в Дрангиане (Сейстане < Сакастане), а

¹ По мнению В. И. Абаева, именно к периоду «воинствующего маздеизма» относится проникновение культа Ахурамазды как величайшего из богов на восточные окраины империи, о чем, по его мнению, свидетельствует ишкашимское *temúzd* < **ahura-mazda* — 'солнце' (В. И. Абаев. Пятый столбец Бехистунской надписи Дария I и антидэвовская надпись Ксеркса. ВДИ, 1963, № 3, с. 117). Есть, однако, все основания считать, что ишкашимское *temúzd* < **ahura-mazda* — 'солнце' связано с исконными культами древних иранцев, ср. в соседних языках: мундж. *miro* < **miθra* — 'солнце', мундж. *yūšaγika* < **haumaka* — 'луна', вах. *mak* < **haumaka* — 'луна', вах. *šet* < **spranta* (?) '[святая] земля' (ср. хот. *ššanda* —, хорезм. *'sbnd'rmd* — 'земля').

² Суть гипотезы заключается в том, что первоначальным источником приготовления сомы — священного напитка древних индоиранцев — был один из видов мухомора (*Amanita muscaria*), что находит прекрасную аналогию в современной практике некоторых сибирских народов. В последующем, очевидно при продвижении на юг, индоиранцы перешли на различные заменители мухомора, в частности для всех древних иранцев основным источником приготовления священного напитка (хаумы) стал, по всей вероятности, хвойник (*Ephedra*). См.: R. G. Wasson. 1) *Soma Divine mushroom of immortality*. New York, 1968; 2) *The Soma of the Rig Veda: What Was It?* JAOS, vol. 91, N 2, April-June 1971, p. 169—186 + X plates.

³ Если только можно говорить о непосредственных или «прямых» потомках языков письменной или устной традиции. Как кажется, такие языки «прямых» потомков дать не могут.

впоследствии и другими диалектами среднеиранского периода, спорны, но все же вполне приемлемы до появления лучшего объяснения. В качестве одной из специфических черт, свойственных только авестийскому языку, И. М. Дьяконов приводит развитие $rt > š$ (с. 139). Между тем сходная тенденция фиксируется и в некоторых индоарийских и иранских языках Восточного Гиндукуша, где некоторые сонорные могут оглушаться перед глухими смычными, в частности r оглушается особенно явно и может замещаться двухфокусным сибиллянтом ($š$).

Что касается отождествления реки Охос античных авторов с Теджемом—Герирудом, которое кажется И. М. Дьяконову единственно правильным (с. 135, 151), то оно, по-видимому, остается все же лишь одним из возможных. Зороастрийская традиция, отождествлявшая Vēhrōt с Амударьей, в данном случае, возможно, вполне обоснована. И. Маркварт показал, что в названии области Вахан в верховьях Амударьи следует видеть древнеиранское *vahvi- 'добрая';⁴ можно предполагать, что названия «добрая», «благодатная» для реки могли возникать в разных частях территории, населенной ираноязычными племенами.

Весьма важным является заключение И. М. Дьяконова о том, что в Весте нет никаких следов ахеменидской терминологии, следовательно, Авеста полностью сложилась до того, как восточный Иран попал под власть администрации Ахеменидов. В целом выводы той части статьи, которая трактует собственно иранские проблемы (локализация Авесты, время, место и обстоятельства выступления Заратуштры), кажутся очень обоснованными и должны получить широкое признание и распространение, но что касается более ранних этапов, т. е. уже собственно арийской проблематики, то вполне вероятно, что новые теории (в том числе и общендоевропейского порядка) и археологические открытия и находки не оставят от предположений И. М. Дьяконова, как говорится, камня на камне.⁵

Анализу связей и взаимовлияния культуры и искусства народов Средней Азии и Ирана от ахеменидского времени до VII в. н. э., а также степени усвоения среднеазиатскими народами культурных традиций Ахеменидов посвящена статья Б. Я. Ставиского «Средняя Азия и ахеменидский Иран». Материалом для статьи послужили последние археологические открытия в советской Средней Азии и северном Афганистане (исторически территории Согда и Бактрии).

Собственно археология представлена в сборнике несколькими работами. О. Бердыев в статье «Южная Туркмения и Иран в эпоху камня и раннего металла» приводит новые данные (кремневые орудия, керамика) о сходстве материальной культуры и о культурных контактах племен на территории Ирана и в подгорной равнине Южного Туркменистана в каменном и медном веке.

Новые археологические материалы приводит В. И. Сариниди в статье «Погребения Гиссар III. Новые материалы и наблюдения». Эти материалы указывают, в частности, на то, что во II тыс. до н. э. происходило, вероятно, постепенное запустение некоторых областей северного Ирана, обитатели которых переместились в сторону Загроса.

⁴ J. M a r k w a r t. Wehrot und Arang. Leiden, 1938, S. 52. Самоназвание ваханцев χik вполне закономерно восходит к *vahvika-, в то время как возведение этого слова к производным от др.-ир. *вахšu- (ср. современное Вахш, греч. Оксос) неудачно.

⁵ Справедливости ради следует сказать, что И. М. Дьяконов и не настаивает на безусловной правдивости своей теории, речь идет лишь о ее исключительной правдоподобности в свете экологических данных. Цель статьи И. М. Дьяконова — привлечь внимание к кардинальной проблеме истории древних ариев. Признавать же ошибочность (может быть, и мнимую) своих гипотез И. М. Дьяконов способен решительнее многих других: «Прошу читателя, — пишет он на с. 149 рецензируемого сборника, — считать недействительным все, что я писал о магах и зороастризме».

Несколько разочаровывает статья Е. Е. Кузьминой «Цилиндрическая печать из Мервского оазиса со сценой единоборства». Эта статья вводит в научный обиход не описанную ранее печать, найденную в Мервском оазисе, однако датировка ее остается неопределенной.⁶ Вывод, к которому приходит Е. Е. Кузьмина (изображение бога, царя или героя-родоначальника, борющегося с силами зла), очень расплывчат, к тому же он вряд ли вытекает из того весьма обширного и слишком разнообразного сравнительно-мифологического материала, который приводится в статье.

М. Н. Погребова в статье «К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II—начале I тыс. до н. э.» на основе анализа закавказского оружия указанного периода приходит к выводу о постоянном характере контактов между племенами Восточного Закавказья и Ирана.

В статье Играна Алиева «Сармато-аланы на пути в Иран» рассматривается археологический материал и исторические свидетельства походов и оседания сармато-алан в Закавказье в I—II вв. н. э. Выяснение деталей этой проблемы чрезвычайно важно для установления возможных путей иранских племен на Иранское нагорье в более ранние эпохи (на рубеже II—I тыс. до н. э.).

Г. А. Кошеленко в статье «Царская власть и ее обоснование в ранней Парфии» приходит к выводу о разнородном характере раннепарфянской теории обоснования парфянской власти, соединившей в себе как древние общеиранские традиции, так и эллинистическую практику.

Статья М. Е. Массона «Распространение монетных находок чекана династии Сасанидов на территории советских республик Средней Азии» является обзором, основанным на более чем полувековой работе автора по изучению монетных находок Средней Азии. Сопоставляя данные письменных источников с археологическими находками и топографическими наблюдениями, М. Е. Массон воссоздает картину обращения сасанидских монет и отмечает различные этапы денежного обращения при Сасанидах, обусловленные разными причинами. Так, например, крупный приток сасанидских серебряных монет в области к северу от Амударьи в V в. связывается М. Е. Массоном с особенно отчетливо намечившимся именно в это время переходом к феодальным отношениям.

Анализу взаимовлияния архитектуры Средней Азии и Ирана от ахеменидского до раннемусульманского времени посвящена статья Г. А. Пугаченковой «Зодчество Средней Азии и Ирана в исторических связях».

Небольшая заметка Е. Атагарьева «Некоторые памятники прикладного искусства Ирана XII—XIII вв. и их среднеазиатские параллели (по археологическим материалам Южного Туркменистана)» сообщает о находках керамических изделий иранского происхождения, которые подтверждают данные письменных источников о тесной культурной и торговой связи Ирана и Средней Азии в рассматриваемый период.

Литературоведение представлено в сборнике статьями А. Н. Болдырева «Отражение древних культурных традиций в классической литературе Ирана». По убеждению автора, древние культурные традиции оказали чрезвычайно сильное влияние на персидскую литературу, которая со времени своего зарождения до наших дней воспеваает древних эпических героев Рустама, Искандара, Бахрама Гура, Барбада и др. В статье выясняются как общие принципы, так и некоторые детали бытования этих мифических образов и имен в произведениях персидской литературы разных жанров и разных эпох.

Статья В. И. Абаева «Из иранской ономастики» состоит из двух разде-

⁶ Изображение печати на вкладке (между с. 208—209, рис. 7) очень нечеткое и перевернуто.

лов: I. О личных именах Ахеменидов;⁷ II. Авестийское Spitama — пехлеви́йское Spitāmān — осетинское Sidæmon.⁸ Как обычно, В. И. Абаев излагает свои этимологии на широком культурно-историческом и этнографическом фоне с привлечением богатого лингвистического материала, поэтому эти этимологии будут в немалой степени способствовать решению самых разнообразных проблем истории и культуры иранцев в древности.

М. Н. Боголюбов в статье «Молитва Ахурамазде на древнеиранском языке среди арамейских надписей из Аребусуна» приводит несколько вариантов интерпретации надписи, обнаруженной на территории древней Каппадокии. Приводимые варианты чтений этой надписи как ираноязычной кажутся весьма возможными, кроме того, М. Н. Боголюбов склонен видеть в ней метрически организованный текст. Открытие М. Н. Боголюбова является сенсационным, поскольку дешифрованная надпись может считаться древнейшим случаем фиксации иранской речи знаками арамейской письменности.

Сборник заключается обширной статьей Э. А. Грантовского «О распространении иранских племен на территории Ирана». На основании анализа ономастического материала, содержащегося в эламских документах из Персеполя, в сопоставлении с данными ассирийских текстов IX—VII вв. Э. А. Грантовскому удается во многом по-новому осветить проблему проникновения иранцев на Иранское нагорье в начале I тыс. до н. э. Автор приходит к выводу о более широком распространении иранцев на территории Ирана в указанную эпоху, чем это предполагалось до сих пор. В статье предлагается много удачных этимологий личных имен и топонимов и, что особенно ценно, излагаются некоторые общие принципы передачи иранской лексики и фонетические особенности иранских диалектов, к которым эта лексика, видимо, относится.

Соображения Э. А. Грантовского о судьбе индоевропейских палатальных в различных западноиранских диалектах доахеменидского времени кажутся очень основательными, вместе с тем можно заметить, что разные варианты одних и тех же слов и основ не обязательно должны быть диахронически или локально разрозненны: живые иранские языки и диалекты дают массу примеров дублетных форм в однородной языковой среде.⁹

Что касается слова gīrua- 'орел' как аргумента в пользу кавказского пути арийцев, то оно, видимо, не способствует прояснению этой сложной проблемы. Так, И. М. Дьяконов считает название орла заимствованием из кавказских языков в арийские,¹⁰ а Э. А. Грантовский склонен видеть заимствование в обратном направлении (из арийских в кавказские, с. 322—323). Несмотря на заманчивую индоиранскую этимологию слова gīrua- 'орел', предложенную Э. А. Грантовским (стр. 322), слово это, как кажется, можно отнести к тем немногочисленным, но удивительным экземплярам, которые присутствуют в слишком многих языках (типа известного tengri 'небо'), но ничего не проясняют пока во взаимоотношениях этих языков и их носителей.

И. Стеблин-Каменский.

⁷ См.: В. И. Абаев. К этимологии древнеперсидских имен Kuruš, Kambyjiya, Čišpiš. Этимология 1965. М., 1967, с. 286—295.

⁸ См.: В. И. Абаев. Скифский быт и реформа Зороастра. Archiv Orientalni. XXIV, 1956, p. 51.

⁹ Примеры и теоретическое обоснование вариантности приводит И. И. Цукерман в своих последних статьях (Палест. сборник., вып. 19 (82); вып. 21 (84) и другие издания).

¹⁰ И. М. Дьяконов. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа (К методике исследования исчезнувших языков). ВДИ, 1970, № 4, с. 62.